

ЛАНА БАРСУКОВА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ЛАНЫ БАРСУКОВОЙ

Любовь анфас

Счастливые неудачники

Сочини мою жизнь

Счастье ходит босиком

Любовь и выборы

Судьбы водят хоровод

Ничего, кроме личного

Дорога в Гарвард и обратно

Запасные крылья

ЛАНА БАРСУКОВА

ЗАПАСНЫЕ КРЫЛЬЯ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б26

Оформление серии *Е. Петровой*

Барсукова, Лана.

Б26   Запасные крылья : роман / Лана Барсукова. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-221841-5

Ларе повезло: она нашла настоящего специалиста по счастью! Говорят, Руслана способна вытаскивать из таких передряг, что Ларины неурядицы — и не проблемы вовсе... Никто недогадывается, кто стоит за спиной Русланы и за чей счет исправляются поломанные судьбы.

Неведомые силы закручивают воронку судеб над головами не знакомых друг с другом людей, вяжут узлами Москву и Колыму, докторов и шаманов... Раздают счастье и несчастье, соблюдаясь с собственными законами.

А законы эти непостижимы, и иной раз отдать счастье — значит его получить.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Барсукова Л., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221841-5

Пролог

Погребальный костер догорал устало и неторопливо. Обугленные останки черной кляксой выделялись на белой простыне студеного ложа. Чукотка не привечала чужих. В этом суровом краю не было места слабым. Сильные люди смотрели на смерть сухими глазами. Они уважали жизнь и тех, кто правит ею, а потому принимали смерть как неотъемлемое право природы вершить свои законы. От них требовалось соблюсти ритуалы, чтобы облегчить путь усопшего к предкам и не позволить его духу вернуться и забрать раньше срока кого-то из них. Разбредались торжественно и чинно, положив за щеку сушеную оленину как погребальное угощение.

— Ну вот, опоздали, — спрыгивая с нарт, горевал маленький человек в огромной шапке-ушанке.

Все на нем было тщательно заправлено, завернуто, опоясано, что выдавало чужака даже более, чем светлые глаза и русая борода с выросшей горкой инея.

— Не переживайте так, профессор, — попытался утешить его парень в наряде еще более громоздком. — Не последние же похороны, ей-богу.

— Дурак ты, Сидоров, хоть и ленинский стипендиат, — оборвал его профессор. — Таких больше на моем веку не будет. — Он почти плакал.

— Ну раньше мы никак не успевали. К черту на рога быстрее добраться, чем до этих стойбищ. Все-таки советской власти есть еще над чем потрудиться. На дворе 1979 год, а тут как провал во времени.

— Помолчи, — простонал профессор.

— А можно вопрос? — И, не дожидаясь ответа, Сидоров продолжил: — Мне в обкоме поручили вас сопровождать, потому что вы профессор известный. А зачем вам на эти похороны смотреть?

— Есть наука такая — этнография, изучает быт и ритуалы разных народов. — Профессиональная деформация личности не позволила профессору игнорировать вопрос молодого человека.

— Так зачем вам их изучать? Вон их сколько. — Он показал рукой на расходящихся чукчей. — Любой из них про свои обычаи все подробности знает. Сделайте чукчу профессором, он за вас все умные книжки напишет.

— Умно, — рассеянно согласился профессор.

— Нет, все-таки странная у вас наука. Вот я математик, у нас не забалуешь. Родился человек — плюс один. Умер — минус один. А у вас все с каким-то подвывертом. Вот скажите мне, чем эти похороны такие особенные?

Профессор молчал. Он шарил глазами по струйкам растекающейся толпы. Наконец его глаза оживились; зорким глазом выбрав добычу, он коршуном слетел со своего места и устремился вперед. Сидоров остался возле нарт.

Чукча, который привез их сюда, заботливо охаживал собак, проверял упряжь, трепал холки.

Сидоров подошел к нему.

— Кто умер-то? — спросил он.

— Человек, — удивился вопросу чукча.

— Понятно, что не олень. А чем этот человек знаменит?

Сидорову не давала покоя загадка, почему так горевал профессор, опоздавший на похороны.

Чукча молчал. Он обошел Сидорова и снова склонился над собаками.

— Да уж, дикий край, — задумчиво протянул Сидоров.

Перед его мысленным взором как ледяные торосы вздыбилась махина тяжелых задач, стоявших перед советской властью на этом северном фронте.

Издалека он видел, что профессор суетится около женщины, идущей тяжелой, но твердой походкой. Она смотрела вдаль, и профессору явно не удавалось привлечь к себе ее внимание. Она шла как дикий олень, странным образом одновременно и горделиво, и согбенно, а профессор мельтешил рядом, как гнус.

— Кто это? — спросил Сидоров у возницы, показав на женщину.

— Шаманка, — нехотя ответил тот.

— А что она тут делает?

Чукча посмотрел долгим взглядом и отвернулся.

Пришлось ждать профессора. Издалека было видно, что поговорить с шаманкой ему не удалось. Он был расстроен, взволнован и, как показалось Сидорову, напуган.

— Ну как? — спросил Сидоров.

Его не удостоили ответом.

— Назад едем?

Профессор кивнул.

Ехали молча. Сидоров дулся и всем своим видом показывал, что профессор неправ. Наконец он не выдержал:

— И зачем ехали? Похороны, видишь ли, какие-то особые. Знатного оленевода хоронили? Героя соцтруда?

Профессор усмехнулся и с плохо скрываемой язвительностью сказал:

— Стал бы я в такую даль ради... Тут бери выше! Шаманка сына хоронила.

— Так у них дети бывают? — искренне удивился Сидоров.

— Искусство шамана может наследоваться. Это не дар, это бремя, — задумчиво сказал профессор.

— Значит, все закончилось?

Профессор молчал. И когда Сидоров уже забыл свой вопрос и его, захмелевшего от морозного воздуха и однообразного снежного пейзажа, начало клонить в сон, профессор как бы в никуда произнес:

— Боюсь, что ничего не закончилось. — Он поежился, словно холод сковал его изнутри. — Я видел ее глаза. Все только началось.

До конца пути профессор не проронил больше ни слова.

Часть 1

ДЕРЬМОВАЯ ЖИЗНЬ

Неприхотливая женщина

В дверь постучали. Лара с тревогой открыла. Все-таки в наше время это случается крайне редко. Последний раз стучали, чтобы вручить повестку в связи с СВО. Да и то ошиблись адресом.

На этот раз все было прозаичнее. На пороге стояла соседка сверху. Ее фигура, словно пожеванная жизнью, опасно давила на дверной косяк. Косяк держался, хотя по регламенту должен был сгнить десяток лет назад. Дом был старый. Но не в смысле благородной старины, напоминающей о дворянах и серебряных канделябрах. Нет, «старый» в смысле «ветхий, драный, потрепанный». Когда-то его построил завод для своих рабочих. Потом завод благополучно скончался, а все его активы отошли в пользу семьи директора. Это называлось приватизацией. Дом за ненадобностью директор не взял, передал на баланс города, и тот болтался там ненужным довеском. В нем жили те, кто не накопил на более приличный вариант.

Лара была в их числе. И соседка сверху тоже. Это единственное, что их объединяло. Все-таки у Лары имелось высшее образование, отягощенное ученой степенью, и она считала, что попала сюда в силу недалёковидной государственной политики. Лара

сеяла иногда разумное, слегка доброе и сомнительно вечное в масштабах рядового университета. Государство платило преподавателям ровно столько, чтобы они могли питаться в студенческой столовой и иногда пить кофе в кафе напротив. Если отказаться от кофе, то можно купить новый шарфик. Хорошо хоть, квартира была своя, доставшаяся от родителей. Но Лара не роптала. Когда-то она попала под обаяние умных книжек, выбрала этот путь и честно топала по нему, регулярно нося в починку стоптанные каблуки. В свои тридцать с понурым хвостиком ей, конечно, хотелось большего, но жизнь упорно не делала никаких подарков.

Соседку сверху Лара не любила. Хотя слегка сочувствовала ей. У той сын пил как дышал, то есть не переставая.

Приход соседки не предвещал ничего хорошего.

Так и вышло.

— Цветок возьмешь? — кисло поинтересовалась та вместо приветствия. — А то мы с Женькой ремонт решили сделать. Пыль, грязь, он загнутый может.

Тут только Лара заметила здоровенный горшок, из которого пытался убежать набекрень посаженный стебель чего-то зеленого.

Шумно выдохнув в знак крайнего переутомления, соседка попыталась поставить горшок на пол. Но пол — понятие растяжимое. Она целилась в ту часть пола, которая простиралась за порогом, пытаясь внедрить свой цветок на Ларину территорию.

— С радостью бы, — Лара слегка прикрыла дверь и заткнула щель своим телом, — но у меня цветы плохо приживаются. Аура не та.

Соседка смотрела расфокусированным взглядом, что характерно для людей, которые пытаются смотреть в глаза, а хотят рассмотреть квартиру.

— Да какая там аура? Будешь бутылки от кефира холодной водой мыть, а воду не в раковину, а в цветок выливать. И чайную заварку не в ведро, а в него. Цветок-то у меня неизбалованный, можно сказать, неприхóтливый. — Соседка неправильно ставила ударение, что очень подходило к этому перекошенному цветку.

«Совсем как я», — подумала Лара. Все, что целилось по жизни в мусорку, попадало в Лару. Она по-новому посмотрела на зеленого заморыша.

— Ладно, пусть здесь квартирует.

Ей вдруг захотелось поката́ть на языке это неправильное, но такое колоритное «неприхóтливый», и она не отказала себе в этом удовольствии:

— Давайте сюда вашего неприхóтливого.

Соседка просияла так откровенно, что стало ясно — на успех мероприятия она не надеялась. Да и Женька говорил ей, что эта Вобла цветок ни за что не возьмет. А все потому, что она, Зинаида, умеет к людям подход найти. Не зря в молодости надзирательницей в женской колонии работала. Хотела еще сказать, что от цветка сплошная польза в смысле кислорода, но эта гордячка Ларка уже захлопнула дверь. Даже не поблагодарила. Чистая Вобла. Зинаида обиделась, моментально забыв, кто кому сделал одолжение.

Наставница

Лара закрыла дверь и решила проветрить квартиру. Негативная энергия соседки должна через форточку выдуться во вселенную. Так ее учила наставница с многообещающим именем Руслана. Вроде бы мужское имя, а грудь четвертого размера. Это лишний раз доказывало, что в жизни возможно все. Нужно только верить и правильно конфигурировать свое поле.

Про поле и про то, как нужно мысленно идти в дамки, пугая шахами и уничтожая матами всех, кто встал на пути, Лара узнала в ходе еженедельных консультаций. Вот уже месяц она живет осмысленно, склевывая зерна мудрости с ладони Русланы.

Познакомились они довольно прозаично.

Когда Лара в очередной раз проникла в глубины жизни через задний проход, другими словами, оказалась в жизненной заднице, она поняла, что без поводыря оттуда не выберется. Ей нужен руководитель. Не в смысле штатной единицы, которая раздает задания, больше всех получает и ждет на корпоративах тостов в свою честь, а наставник по жизни, гуру.

Поиск занял полторы минуты. Интернет очень отзывчив на четко поставленные задачи. Лара вбила «как жить, когда жизнь дерьмо?» и тут же получила осмысленный ответ. Интернет кинул ссылку на сайт «Жизнь — дерьмо? Докажем обратное!».

Лара подумала, что вряд ли у них это получится. Все-таки у нее на руках неоспоримые аргументы своей правоты. Стопроцентное доказательство ее жизненного

фиаско. Однако так хотелось, чтобы кто-то попытался это опровергнуть. Пусть попробуют найти в ее жизненном тупике хоть какой-то слабый кирпич, выбив который можно выйти на свет. Лишь бы недорого брали.

Она позвонила. Отозвалась женщина. Это была первая удача. Все-таки представления мужчин и женщин о жизненном фиаско несколько различаются.

Вторая удача не заставила себя ждать. Голос был такой, будто тебя взяли за горло и потащили к выходу на свет. Ты хрипишь и отбиваешься, но уже обречен на счастье.

— И что? — услышала Лара. — Молчать будем?

Лара не молчала. Она просто не успела начать говорить. Но теперь было поздно: говорить начала женщина.

— Понимаю. Трудно! Трудно признаться себе, что жизнь похожа на... — Она замялась. Видимо, нужен был точный образ, снайперский выстрел. — На сельдерей!

— Почему на сельдерей?

— Потому что гадость.

— А врачи говорят...

— Так! Ты теперь у меня, в моей компетенции! — безапелляционно заявила женщина. — И никаких других врачей чтобы рядом не проходило!

Как ни странно, Ларе понравился этот напор. Дозированная хамоватость вообще вызывает доверие. Сразу видно, что человек уверен в себе. А для руководителей это очень важное качество. Не для тех, кто командует и больше получает, а для настоящих, по жизни и по призванию.

Тут Лара поняла, как же ей хочется быть ведомой, пойти за этим голосом, повернувшись гордым затылком

ко всем прошлым несчастьям. Лара облегченно выдохнула, и, видимо, сделала это довольно громко. Потому что женщина все поняла и пошла на резкое сближение:

— Ты кто? Чего хочешь?

— Я Лара. Простите, Лариса. Мне бы жизнь как-то поправить. Развернуть ее на сто восемьдесят градусов.

— С Русланой говоришь, — напрямки представилась собеседница. — Развернуть? Легко! Да хоть на все триста шестьдесят, — щедро пообещала она.

Лара хотела возразить, что триста шестьдесят градусов ей не очень подходят, но промолчала. Все-таки прослыть буквоедкой при первом же разговоре не хотелось. Общая же мысль понятна? Понятна. Ей пообещали украсить небо алмазами. При такой щедрости капризничать и цепляться к каким-то градусам невежливо.

С этого началась странная дружба с Русланой. Дружба, потому что у Лары появилось чувство защищенности. Как у молодого щенка рядом с половозрелым бультерьером. А странная, потому что за это удовольствие приходилось платить. Рублями.

Впрочем, денег было не жалко. Точнее, жалко, но только вначале. Потом Руслана объяснила, что это не траты, а инвестиции. Большая разница. Инвестиции — это когда ты тратишь с надеждой на прибавку. Вот сегодня слабая и несчастная Лара вложит деньги в свое духовное развитие, а завтра, сильная и счастливая, будет стричь плоды с этого дерева.

Вообще Руслана очень любила слово «инвестировать». Иногда Лара думала, что Руслана не просто ест, а инвестирует калории в свою грудь. Это была выдающаяся грудь.

Когда Руслана надевала кулончик, он у нее не висел, а лежал. И так покойно лежал, как приклеенный. Остальные части тела почему-то не отзывались на пищевые инвестиции. Худые ноги втыкались в костлявый зад. Руслана была похожа на тощую корову с огромным выменем.

«Нестандартная внешность», — говорила про себя Руслана, любовно оглаживая грудь. И всем своим видом показывала, что видит в этом сплошные преимущества. Штучность. Уникальность. Эксклюзив.

Мать и сын

Зинаида, распаленная обидой, легко преодолела пару лестничных пролетов и толкнула дверь в свою квартиру. Маленькая прихожая, оклеенная уцененными обоями, обдала привычным запахом кошачьей жизнедеятельности. Это немного успокоило.

Женька валялся на диване, обложенный кошками, и что-то жевал. С утра он еще не пил и был способен к диалогу. Зина не знала, чего хочет больше: разораться на Женьку, что он дышит на кошек вчерашним перегаром, или поделиться с ним своей победой над соседкой. Все-таки не каждый день удастся внедрить свой цветок во вражеский стан.

А Ларка — она вражина и есть. Не зря ее Воблой кличут. Сколько живет здесь, а все морщится, когда в подъезд заходит. Типа привыкнуть не может. Аристократка хренова. Даже шляпу иногда носит.

Женька, конечно, заслужил головомойку, ведь лежать днем неправильно. Зинаида многие годы проработала в колонии и твердо знала, что днем можно ходить или